

К
НЕСПЯЩАЯ
РАСАВИЦА

ТЭФФИ
НОТТ

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Н85

Редактор серии *А. Осминина*
Оформление серии *Е. Петровой*
Иллюстрация на обложке
Марии Маковецкой (mistilteinn)

Фрагменты шрифтового оформления в дизайне обложки:
© Mednyanszky Zsolt, MagicPics / Shutterstock.com;
В оформлении авантитула использована иллюстрация:
© Ivan Lukyanchuk / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com
Во внутреннем оформлении использована иллюстрация:
© Android Boss / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Нотт, Тэффи.

Н85 Неспящая красавица : [роман] / Тэффи
Нотт. — Москва : Эксмо, 2024. — 320 с.

ISBN 978-5-04-190920-8

Она не помнит, что случилось в канун Рождества двадцать лет назад. Теперь она — детектив в маленьком городке. Вместе с напарником, ссыльным магом из столицы, они попадают в заброшенный особняк. Повсюду в пустом доме появляются люди из ее детства, которые ничуть не изменились и все это время провели во сне.

Вдруг будто из ниоткуда на нее падает труп неизвестного.

Кто его убил двадцать лет назад и почему заснули все, кроме нее?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Нотт Т., 2024
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-190920-8

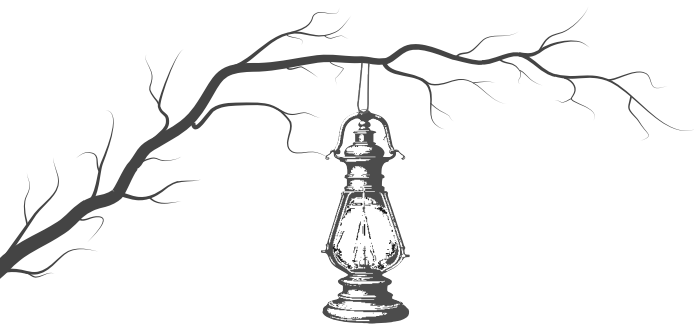
— **Мама!** Мама! — Девочка едва попевала за матерью, которая упрямо тащила ее вперед, крепко вцепившись пальцами в тоненькое запястье. Голова кружилась, слезы бесконечным потоком лились по щекам. Было больно и ужасно обидно. — Мама, пожалуйста! *Je n'ai pas écouté! Je ne veux pas partir!*¹ Пожалуйста!

От волнения слова в голове путались. Девочка кричала, но мать ее будто не слышала, дернула с новой силой, отчего новенькие атласные туфельки зацепились о ковер, и она упала на колени. Платье было тоже совсем новым, из тонкого муслина и шифона, воздушное, словно пирожное. Только на кремовой юбке рядом с атласным поясом виднелись алые капли. Кровь? Когда она успела испачкаться? На указатель-

¹ Я не подслушивала! Я не хочу уходить! (фр.)

ном пальце наливалась новая капля. Во рту тоже появился неприятный солоноватый вкус, и язык сам потянулся к верхней губе, нащупывая болезненную ранку.

– Идем! – мать снова дернула ее, но девочка уже не могла встать. Перед глазами кружили языки пламени, ослепляли. Вдруг среди этой пляски она увидела лицо дяди. Доброе, но почему-то очень печальное. Он говорил ей что-то. Она видела, как губы его шевелятся, он улыбается, но не могла расслышать ни слова.

1897 год
Двадцать лет
спустя

Глава 1

— Аркадий Петрович! — Надя тяжело оперлась о широкий стол приставы. — Вы же лучше меня знаете, что туда магов надо! Иначе на завтра у вас будут горы тел по улицам.

— Надежда Ивановна. — Пристав, мужчина средних лет с уже наметившейся залысиной, наконец оторвался от бумаг на столе и поднял усталый взгляд на девушку. — Я понимаю, вам магия везде мерещится, — на этих словах мужчина скривил такую выразительную гримасу, что Надя даже щеку изнутри прикусила, чтобы хотя бы внешне сохранить спокойное выражение. — Но вот у меня тут отчетик, — Аркадий Петрович помахал листком перед Надиным носом, — где говорится, что следов магической энергии у дома не обнаружено.

Надя несколько раз видела своими глазами, что бывает с домами, в которых никто подолгу не живет. Неизвестно, то ли там домовые без хозяев дичают, то ли не до конца истребленная

нечисть находит себе приют за холодными стенами, да только что бы то ни было, встречаться с этим ей не хотелось. Нечисть пряталась по темным углам, а питаться предпочитала теплой кровью. Бог миловал, лицом к лицу Надя с таким никогда не сталкивалась. Однако доводилось по утрам видеть то, что осталось от бедолаг, что рискнули разделить крышу с одичавшей нечистью. «Рожки да ножки», — как говорила нянюшка.

— А в подвале они проверяли?

— Надежда Ивановна, — повысил голос пристав. — Вам не кажется, что вы лезете уже совсем не в свое дело?

— Позвольте заметить, похоже, если в него не полезет я, то никто не полезет.

— Надежда Ивановна, у вас когда поезд?

— Через два часа.

— Вот и езжайте с богом. Вас там ждет куриный мор и дознаватель из столицы, с ним и побеседуете о магии. Все, голубушка, дайте поработать.

Надя медленно сделала шаг назад от начальственного стола, вытянулась по струнке.

— Разрешите идти? — холодно спросила она.

— Идите-идите, — отмахнулся Аркадий Петрович, не заметив ее тона. Уже под нос себе пробурчал, когда подчиненная почти была за дверью: — Вот свалилась на мою голову, барышня-крестьянка...

Надя с силой грохнула дверью об косяк, борясь с неблагочестивой мыслью о том, что ей хотелось бы, чтобы между ним и дверью была чужая голова — и чуть не столкнулась с околоточным надзирателем.

— Доброго утрачка, Надежда Ивановна.

— Доброго утра, Любовь Васильевна. Докладываться идете?

Любовь Васильевна была крупной женщиной с громовым голосом, обветренным лицом и крайне пронизательными глазами. Глядя на нее, Наде казалось, что так, пожалуй, выглядела Василиса Кожина. На их участке из барышень было только двое: Надя, прикомандированная к приставу, и Люба, дочь мещанина, которая своей энергией и трудолюбием смогла получить должность околоточного надзирателя. И хотя между ними была целая пропасть в происхождении и воспитании, они с Любой сразу нашли общий язык. И общую беду.

— Что-то вы такая смурная, Надежда Ивановна. Опять с начальством ругались? — Наде даже отвечать не пришлось, Люба и так все прочла по ее лицу. — Снова предлагал вам в гувернантки идти?

— Сегодня нет, видать, еще никто плохих новостей не принес, — пробормотала Надя, отводя взгляд. «Надеть передник гувернантки» — это еще один из мягких советов от Аркадия Петро-

вича. Также из излюбленных было отправить Наденьку замуж, на учительские курсы или «домой к матушке с батюшкой». На полицейских курсах она наслушалась такого о себе, своем «предназначении», способностях и умениях, что на две жизни вперед хватит. Пристав не отставал, переняв от учителей на курсе предвзятое отношение к женщинам в полицейском кителе.

Они с коллегой тепло распрощались, и Надя едва не бегом полетела к себе на квартиру. До поезда со всеми этими спорами и разговорами оставалось уже меньше двух часов, а собраться раньше она никак не успевала.

Одна мысль грела — о скором празднике. Очень долго Надя отмечала Рождество в одиночестве, а то и вовсе на службе. Но в этом году ее к себе позвали подруги. У улыбчивой Танечки, знакомой Нади еще со Смольного, собиралась большая компания: подружки по институту с мужьями, местное благородное общество; ожидалось танцы и душевные разговоры у камина. Наде хотелось верить, что в кои-то веки она проведет праздники в приятном обществе, забыв и о странном доме, и об Аркадии Петровиче, и, провались оно к чертям, о Догадцеве.

Нелепейшее поручение свалилось, словно снег в июле за несколько дней до праздника. Мало этого непонятного мора в далекой деревне,

так еще и в напарники отрядили не кого-нибудь, а ссыльного мага из столицы. Если со своими, с местными, еще худо-бедно можно было договориться, то столичные вызывали только неприязнь: уж слишком хорошо Надя знала их магическую братию из сыскного — щеголи, франты и ловеласы, каких поискать. А тут еще и пристав разнес по всему отделению, что столичного мага сослали сюда якобы за дуэль со смертельным исходом. И не абы какую, а с использованием магии. Против обычного человека использовать магию — последнее, самое гнусное дело. Ту силу, что Господь послал волшебникам, чтобы защищать обычных людей, обратить против них... Худший грех и придумать сложно. Как врач, что свое искусство пускает во вред, или священник, что проповедует убийства. И в обществе такого человека ей предстоит провести несколько дней, работая над общим делом!

Однако дома ее поджидала еще одна неприятность.

— Надежда Ивановна, вам письмо. — Из кухни показалась горничная с гербовой бумагой в руках.

Надя сразу заметила печать, что немного светилась. На сургуче блестел герб: орел со щитом на груди с орлом поменьше. Поэтому письмо Надя взяла кончиками пальцев, прекрасно зная, от кого оно и что содержит.

«Надежда!»

Надеюсь, что это письмо застанет тебя в добром здравии и благополучии. Буду безмерно счастлива увидеть тебя дома к Новому году...»

Дочитывать формальное завершение записки Надя уже не стала. Сухо, лаконично, по делу — так велась их переписка с матерью, когда касалось неуставных отношений. Каждый год мама слала ей короткие записки с приглашением на Новый год — это был тот небольшой промежуток времени, который она могла выделить дочери между своими разъездами из Зимнего по лучшим домам столицы с дружескими визитами и обратно. Каждый год Надя так же коротко и сухо отвечала: «Нижайше прошу прощения, матушка, никак не могу, служба». И никто из них не был внакладе, потому что мать не хотела, чтобы непутевая дочь приезжала, а Надя, в свою очередь не хотела ехать.

Матушка никогда не была довольна Надей. В Смольном училась недостаточно хорошо, спина недостаточно прямая и, конечно, самый страшный грех в ее глазах — магией не одарена. А уж когда Надя решила, что придворная служба не для нее, что сердце не лежит к балам и закулисным интригам, стало лишь хуже. Матушка никак не могла смириться с тем, что ее единственная дочь променяла платья и туфельки на форменный китель и узкие сапоги, и понять не могла, что Наде хотелось приносить настоящую пользу, а не видеть льстивые улыбки придворных изо дня в день.

Потому и сбежала Надя на другой конец империи, чтобы не слушать, что она снова все делает не так. И с тех пор домой не рвалась.

Она безжалостно изорвала письмо на мелкие кусочки. В этом году можно даже обойтись без ответного письма, сославшись на внезапный отъезд.

Вещи пришлось собирать в спешке. Настасья охала и извинялась, совсем забыла, что хозяйка-де уже уезжает, поэтому Наде пришлось справляться самой. Она смотрела на небогатый гардероб, но мысли крутились вокруг пришедшего письма. С одной стороны, она понимала, что поступила правильно. Ничего хорошего, кроме очередного потока укоров и обвинений, она бы не услышала. С другой — и ей не хотелось этого признавать, по дому она все же скучала.

Надя тяжело осела на скрипнувшую изогнутыми ножками софу, бессознательно сжимая в руках серую юбку. Тоска пробиралась глубже в сердце, лишала той решимости, с которой Надя изрывала письмо в клочья. Хорошо быть сильной, приносить ту самую пользу, когда рядом те, с кем можно показать и слабость. Перестать держать крепкую оборону от всего мира.

Мама всегда была такой, сколько Надя себя помнила: строгой, требовательной, и маленькая Наденька постоянно пыталась заслужить ее одобрение, стать самой лучшей дочерью на свете.

Пока не поняла, что это невозможно. Зато отец, напротив, всегда был той крепостью, за которой Надя могла спрятаться от любых невзгод, будь то разбитая коленка или неуд по арифметике. Вот только батюшка был далеко, еще дальше от столицы, чем она. Они с матерью уж давно жили в разводе, и сначала отец с Надей виделись на каникулах, потом только на праздниках, а теперь все, что ей осталось, — длинные письма раза три-четыре в год.

Надя смяла в пальцах серую ткань, чувствуя, как к горлу подступает колючий комок слез. Вот напасть, от оскорбительных шуточек и насмешничанья она не плакала, а теперь... И перед самым-то поездом!

Надя ахнула, подскакивая. Поезд!

И все же она не опоздала. Влетела в вагон, едва не врезавшись в замешкавшегося проводника. Тот было хотел что-то сказать, но увидел погоны и передумал:

— Ваше высокоблагородие, просим сюда, вас уже ожидают-с.

Надя распахнула дверцу купе. На диванчике с газетой в руках вальяжно раскинулся молодой мужчина. При звуке открывшейся двери он тут же поднял голову. Выглядел он, по ее мнению, как типичный фельдфебель из сыскаго. Холерный, русые волосы с модным пробором на бок, костюм-тройка с иголки, блестит цепочка ча-

🌀 НЕСПЯЩАЯ КРАСАВИЦА 🌀

сов. Серые глаза смотрели насмешливо, а улыбка, по-мальчишески искренняя, которая сглаживала чуть резковатые черты лица, наверняка разбила не одно женское сердце. Надя передернула плечами. И не стыдно ему вот так вот улыбаться? Это после всего того, что он сотворил! Одно слово — маг.

Глава 2

«Громкое задержание опасной секты» — буквально кричал заголовок столичных «Ведомостей». «Совместная работа полицейских и магов вновь спасла столицу, возможно, от ряда террористических актов. Вчера была задержана секта...»

Андрей недовольно цокнул языком, не стал дочитывать и перевел взгляд на фотографию, которая занимала едва не половину страницы. Статная женщина в форменном кителе, под которым виднелась красная Аннинская лента, пожимала руку пожилому мужчине в такой же парадной форме. Да, даже несмотря на то, что сейчас она была для него самым ненавистным человеком на земле, Юлия Федоровна Адлерберг умудрялась вызывать восхищение.

Дверь купе отворилась, и маг, поспешно отложив газету в сторону, переключил все внимание на напарника, что ему отрядили в местном полицейском участке.

— Вы практически оп... — Андрей мгновенно забыл, что хотел сказать. В дверях стояла юная барышня в полицейском пальто. Очень красивая барышня. Тонкий прямой носик, румянец на щеках и большие синие глаза, глубокие, чарующие. Темные волосы были уложены в прическу под форменной фуражкой, но один непослушный локон упал на лоб, разом стирая весь строгий вид. И китель на ней хоть и сидел хорошо, но смотрелся как будто неуместно.

— Поезд еще не отбыл, а значит, я не опоздала, — заявила барышня. Поставила саквояж на диванчик, стряхнула с плеч снег и принялась стягивать пальто.

Опешивший Андрей поспешил вскочить, чтобы помочь, та стрельнула в него своими синими глазами, но мешать не стала.

— Позвольте представиться, Андрей Сергеевич Голицын, об...

— Надежда Ивановна Огонь-Догоновская, — перебила его барышня, не дав произнести звание. И свое не сказала. Как интересно. Но, судя по погонам, чин капитана ей уже присвоили.

Наденька, это имя ей шло куда больше, чем строгое Надежда Ивановна, безразлично скользнула взглядом по газете и села напротив Андрея. Поезд качнуло, раздался гудок, и состав двинулся в путь.

Некоторое время просидели в молчании. Слышался только стук колес да хлопанье дверей где-то

в соседнем вагоне. Андрей с интересом разглядывал спутницу. Это, конечно, выходило за рамки всяких приличий, но удержаться он просто не мог. Да и кто бы его осудил? Личико прехорошенькое, фигурка ладная, волосы темные так и блестят. Она затмила бы невест на выданье в самой столице, а вот же — дознаватель в уездном городке.

Занимательная барышня старательно делала вид, что пристального взгляда не замечает. Сначала смотрела в окно, но как только взамен приземистых домишек замелькали ели в белоснежных зимних нарядах и поезд начал набирать скорость, повернулась к Андрею.

— Увидели в моей форме что-то интересное, Андрей Сергеевич?

— Да вот, пытаюсь набраться храбрости, чтобы задать вопрос. — Андрей не без удовольствия наблюдал, как хмурятся красивые брови. — Что забыла такая очаровательная мадемуазель в полицейском управлении?

— А я думала, что в магкорпусе учат этикету, — вежливо заметила Надежда.

Ого, а она за словом в карман не лезет. Андрей довольно улыбнулся. Кажется, жаловаться на скуку в поездке не придется.

Коротко постучали, и тонкая дверь купе распахнулась. Появившийся на пороге проводник изящным движением поправил щегольски вздернутый темный ус.

— Господин, мадемуазель, — поклонился он на обе стороны. — Чего изволите-с? Чаю, кофею? Скоро булочки свежие готовы будут-с. Быть может, отзавтракать? Вы в вагоне одни, так что я мигом к повару, изготовит, что пожелаете.

— Ехать-то сколько? — Андрей нахмурился. Он знал, что с такими, как проводник, надо поостроже. А то мало того что вцепится как банный лист, так еще смотри в оба, как бы из кармана чего не пропало. — Часа три?

— Так точно-с!

— Тогда неси нам с барышней чаю сладкого со свежими булочками, да смотри, чтобы все горячее было.

— В лучшем виде!

И проводник исчез за дверью.

— В следующий раз, Андрей Сергеевич, прежде чем давать распоряжения, извольте спросить моего мнения, — вежливость в голосе спутницы граничила с раздражением.

— Вы что-то имеете против булочек? — Андрей только шире улыбнулся.

— Имею — против нагловатых столичных франтов.

После этих слов Надежда прихватила со стола газету Андрея и как ни в чем не бывало раскрыла первую страницу, погружаясь в чтение. Или делая вид, черт его знает. Маг не удержался от тихой усмешки. Потянулся к внутреннему карману.

— Позвольте закурить, Надежда Ивановна?

— Не позволяю, — слышалось из-за газеты. Андрей так опешил, что сначала подумал, что ему слышалось. Делать нечего, пришлось идти в коридор.

Обещанный чай с булочками прибыл лишь через час. Проводник долго расшаркивался и извинялся, говорил, что на кухне-де какая-то поломка. Однако выпечка и правда была свежей, так что сетовать было не на что.

После перекуса, во время которого собеседники едва обменялись парой слов, Андрей предложил проветрить в купе. Раскрасневшаяся после чая Наденька кивнула, и после некоторых мучений с тугим окном они вышли в коридор.

— Что думаете по поводу этого мора?

Андрей прислонился спиной к холодному окну, за которым мелькал сказочный пейзаж русской зимы: серебрившиеся на солнце заснеженные поля, перемежавшиеся темными грядами голых деревьев. Они недавно проехали небольшую станцию, а потому изредка можно было заметить то тут, то там скопление бревенчатых домишек со снежными шапками, из-под которых кокетливо торчали наличники. Маг крутил в руках папиросу, но закурить не решался.

— Сложно сказать. Прибудем на место, тогда и можно делать выводы. Меня учили верить своим глазам.

Андрей покосился на свою спутницу. Серьезная барышня. Вот только хорошо это или плохо?